

ПЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА: ОТКРЫТИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В. В. Крайнев, И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 января 2023 г.

Аннотация: статья посвящена вопросам изучения, формирования пеньковской культуры, определения границ распространения, этнической атрибуции, взаимодействия ее носителей – антов – с Византийской империей.

Ключевые слова: пеньковская культура, анты, киевская культура, черняховская культура.

Abstract: the article is devoted to such issues of studying the Penkov culture as its formation, the definition of the boundaries of distribution, ethnic attribution, the interaction of its carriers with the Byzantine Empire.

Key words: Penkov culture, anty, Kiev culture, Chernyakhovskaya culture.

Пеньковская культура – это обширная, но все еще недостаточно определенная категория артефактов в Восточной Европе (рисунок), названная так по с. Пеньковка, в окрестностях которого в 1956–1959 гг. экспедицией под руководством Д. Т. Березовца были частично исследованы 3 поселения V–VII вв. (поселения Молочарня, Луг 1, 2, Макаров Остров) и 54 полуземлянки [1]. Закрытые комплексы в значительной степени отсутствуют, а однородность построек и специфической лепной керамики затрудняют оценку. Поэтому интерпретация, как культурная, так и этническая, привели к многочисленным ошибкам, которые к настоящему времени лишь частично устранены.

Происхождение пеньковской культуры спорно. Исследователи по праву неоднократно подчеркивали ее связи с предшествующей черняховской-Сынтанаде-Муреш культурой, особенно отмечалась преемственность некоторых форм керамики [2, с. 85–112]. Однако контакты не могут быть достоверно установлены, поскольку даты финала черняховской-Сынтанаде-Муреш культуры и начала пеньковской культуры недостаточно точно определены. Период между двумя этими культурами совпадает с эпохой Великого переселения народов на всей территории Восточной Европы, вызванного внезапным и широкомащштабным гуннским нашествием.

До сих пор господствует точка зрения о сложении пеньковской культуры на основе киевской культуры, их принадлежности к памятникам одного культурного круга, что, как было показано Р. В. Терпиловским, вытекает из близости черт позднекиевских и пеньковских памятников на уровне сравнения их макроструктур (топография поселений, погребальный об-

ряд, домостроительство, керамический комплекс) [3, с. 64].

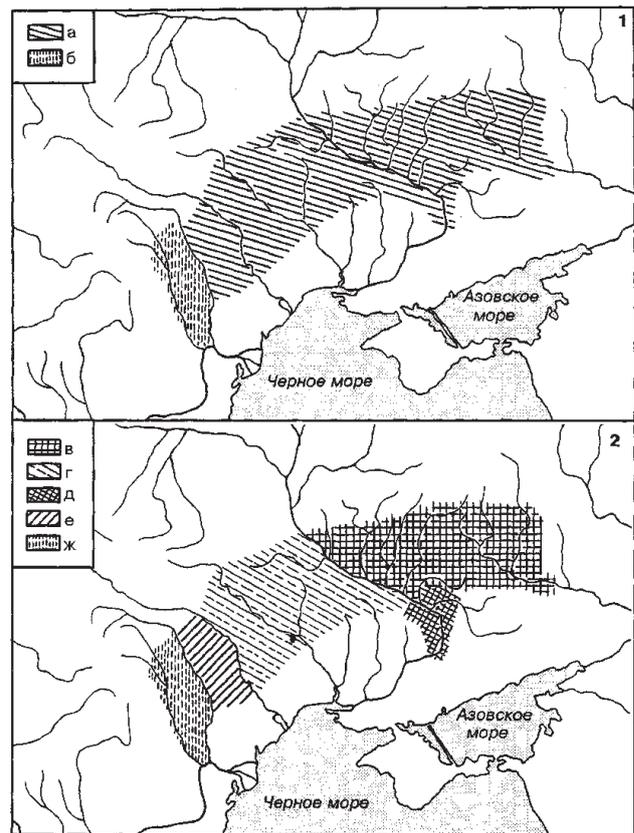

Рисунок. Пеньковская культура:

1 – схема распространения пеньковских памятников: а – основной пеньковский ареал; б – зона инфильтрации; 2 – локальные варианты и зона инфильтрации пеньковской культуры; в – Днепроовское лесостепное Левобережье; г – Днепроовско-Днестровское междуречье, д – Днепроовское Надпорожье и Поорелье; е – Прутско-Днестровское междуречье, ж – Правобережье Прута (Румыния)

В начале – первой половине V в. после ухода готов на Запад в лесостепь Поднепровья проникают носители деснинского варианта киевской культуры. Около второй четверти – середины V в. формируются пеньковская и колочинская культуры. Пеньковская культура, по мнению А. М. Обломского, сложилась на основе южных группировок киевской культуры, втянутых в орбиту черняховского влияния [4, с. 51].

В поздний период пеньковской культуры становятся очевидными инородные влияния, например, колочинской и волынцевской культур, а также кочевников. Интенсивность, время, локализация и воздействие этих компонентов в пеньковской культуре представляют собой важные нерешенные вопросы, на которые невозможно дать исчерпывающий ответ на современном этапе исследований. Например, поселение Роище (Черниговская обл., Украина) относится исследователями как к киевской, так и к колочинской, волынцевской и пеньковской культурам, что демонстрирует ограниченные возможности убедительной демаркации рассматриваемых культур [5, с. 65; 6, с. 40].

По мнению М. В. Любичева и Р. В. Терпиловского, деснянская группа киевской культуры, поселения Роище, Александровка стали переходными памятниками от киевской к пеньковской культуре, ее предшественниками [3, с. 64; 7, с. 39], Роище иногда рассматривается как полностью сформировавшийся пеньковский памятник [6, с. 40].

После почти шести десятилетий изучения распространение пеньковской культуры еще не может быть четко определено. Она охватывает обширную территорию степной и лесостепной зон побережья Черного моря, от Северского Донца до Восточной Румынии (см. рисунок), и, таким образом, в значительной степени совпадает с распространением предшествующей черняховской-Сынтана-де-Муреш культуры. Однако поселения пеньковской культуры выходят за пределы этой области, как вышеупомянутое поселение Роище, некоторые из них находятся примерно в 150 км к северу от основной области распространения. Поселения, хотя и небольшие, были обнаружены также и к югу от основного ареала распространения, в степной зоне.

Известно более 300 памятников. В этом контексте можно предположить сравнительно немногочисленное население на огромной области распространения. Кроме открытых поселений известно 2 пеньковских городища у с. Будище в Среднем Поднепровье и у с. Селиште в Молдавии. Оба расположены на возвышенных местах и защищены земляными валами и рвами. Первое из них являлось городищем-убежищем, где население постоянно не проживало. Второе представляло собой административно-хозяйственный центр с жилым районом и производственными ма-

стерскими (ювелирными и керамическими) [8]. Однако предположения о наличии укреплений в Будище в Среднем Поднепровье (Черкасская обл., Украина) и у с. Селиште (Республика Молдова) пока не могут быть проверены. Видимо, крупным экономическим центром времени существования пеньковской культуры было Пастырское городище. На его территории проживало разноэтничное население, в том числе и пеньковской культуры [6].

Поселения сравнительно небольшие и всегда располагаются на равнинной местности, занимая низинные участки первых надпойменных террас. Их площадь не превышает 2–3 га. На ней размещалось около 30 полуземлянок с подсобными постройками, однако одновременно функционировало лишь 12–15 построек. Основным типом жилищ были четырехугольные полуземлянки площадью от 10 до 20 м². Для ранних домов характерны очаги, а для поздних каменные печи. На поселении Сухая Гомольша исследованы остатки нескольких полуземлянок с печами-каменками и столбовыми ямами, указывающими на то, что стены жилищ были каркасными. Иногда встречаются жилища, каркас которых возвышается на каменном цоколе. На некоторых более поздних поселениях бассейна Днепра (Осиповка, Богатое, Будище и др.) обнаружены остатки углубленных округлых и овальных жилищ, которые связаны с кочевниками в этих районах. Между жилищами часто располагались хозяйственные постройки, очаги и ямы. На многих поселениях были найдены остатки обработки железа. В Гайвороне на Южном Буге был исследован крупный производственный центр: 25 наземных печей шахтного типа с суженной верхней частью, сделанных из огнеупорной глины. По своему назначению они делятся на агломерационные (для обогащения руды) и горны для получения железа и стали.

На памятниках пеньковской культуры найдены многочисленные изделия из черных и цветных металлов, камня, кости и стекла. Следует отметить находки железных наральников, тесал-мотыжек. Среди других находок имеются глиняные льячки, тигли, пряслица, жерновые камни, ножи, наконечники копий и стрел, металлические фибулы, подвески, серьги, пронизи, поясные наконечники, пряжки, накладки.

Пеньковская керамика по своим формам делится на три основные группы: биконические, округлобокие приземистые и стройные горшки с наибольшим расширением в верхней трети высоты, плоские диски, сковороды с невысоким бортиком.

Основой хозяйства пеньковской культуры было пашенное земледелие и приселищное животноводство. Практиковалась и ручная обработка земли приусадебных участков железными теслами – мотыжками. Культивировали несколько видов пшеницы и

ячменя, а также просо, овес, рожь и коноплю. Убирали злаковые культуры железными серпами.

Погребальные памятники пеньковской культуры представлены кремациями в урнах и ямах диаметром до 60 см и глубиной до 50 см. Сожжения производились на стороне. Известно около 50 погребений. Однако только могильник с 43 захоронениями у с. Большая Андрусовка в Среднем Поднепровье можно считать могильником. Все остальные – одиночные погребения у с. Васильевка, Волосское, Старая Игрень, Запорожец, включая 6 погребений из Селиште. Как правило, они расположены в 0,5–1 км от селищ на низких или возвышенных участках местности. Кроме глиняных сосудов, в погребениях найдено небольшое количество деталей костюма и украшений: браслеты и кольца, броши, пряжки и трапециевидные и спиральные бронзовые подвески, стеклянные бусы [9, с. 227–229].

Ингумации бывают одиночными или представлены небольшими группами. В Алексеевке известно несколько погребений с ингумациями и металлическими украшениями пеньковского облика. Погребение из Мохнача (Харьковская обл., Украина) исследовано на восточной периферии культуры. Это богатое женское погребение западно-восточной ориентировки. Инвентарь: пара пальчатых фибул, два ожерелья, кольцо и браслет, небольшое ожерелье; 5 трапециевидных подвесок; 115 янтарных и 27 стеклянных бусин; серьги; набор поясной гарнитуры, гончарный сосуд. В Данченах (Республика Молдова) на западной периферии культуры было обнаружено женское погребение. В могиле находились пара пальчатых фибул и бронзовый браслет, ожерелье из стеклянных бусин и небольшой глиняный сосуд [10, с. 138]. Другие погребения с одной или двумя пальчатыми фибулами были обнаружены в районе Среднего Поднепровья.

Два женских погребения из Мохнача и Данчен близки по костюму, включающему парные фибулы, который отсутствует в кремациях. В то же время парные фибулы встречаются в ряде кладов (возможно, погребальных комплексах) мартыновского типа. Например, Колосково, Козиевка, Мартыновка, Новая Одесса, Смородино, Нижняя Слобода и Новая Суджа.

Самый восточный клад, который можно связать с носителями пеньковской культуры, найден в донском регионе – Острогжский клад [11, с. 527]. Это типичный комплекс украшений круга так называемых древностей антов первой (ранней) группы (по О. А. Щегловой).

Кремации можно связать с пеньковской культурой по погребальному инвентарю, а ингумации ближе к находкам мартыновского типа.

Для основной области распространения пеньковской культуры выделено пять локальных вариантов,

но все же с плавными переходами (см. рисунок). В районе Среднего Днестра, например, по керамике невозможно четко определить, что является местной традицией, а что – заимствованием или влиянием [12, с. 69].

Требуется дальнейший анализ форм контактов пражской и пеньковской культур. В Среднем Поднепровье, по мнению И. О. Гавритухина, имеются свидетельства явной конфронтации их носителей, наличие обеих традиций отмечается на некоторых селищах в Южном Побужье, Поднестровье, Попрутье. Необходима детальная атрибуция и максимально узкая датировка большего числа комплексов в таких зонах [13].

Для северо-востока пеньковской культуры одним из открытых вопросов является определение ее границ с колочинской культурой. Население пеньковской культуры присутствует на Верхнем Воронеже на поселениях Ярок и Стаево [11, с. 527], входя таким образом в зону влияния колочинской культуры.

В целом начало пеньковской культуры предполагается в конце IV в. (датировка, которую нельзя отвергнуть в принципе, но которая нуждается в уточнении). Хроноиндикаторов для начала пеньковской культуры все еще слишком мало, а ее хронологическая и культурная демаркация от черняховской культуры слишком размыта.

В то же время маловероятно, что пеньковская культура может быть датирована 2-й половиной IV в., так как ареалы распространения пеньковской и черняховской культур в основном совпадают, однако сложно предположить одновременность существования обеих культур.

Финал пеньковской культуры обычно датируется рубежом VII и VIII вв. Но судя по материалам салтово-маяцкого могильника Дмитриевка, какие-то группы пеньковского населения могли сохраняться вплоть до начала VIII в. и были инкорпорированы в салтово-маяцкую культуру. В отличие от начала культуры, которое совпало с обширной этнической структуризацией, ее финал, очевидно, приходится на менее бурное время. Пеньковская культура является результатом постепенного развития различных культурных элементов. В нем оригинальные остатки черняховской-Сынтана-де-Муреш культуры были смешаны с различными преимущественно славянскими, а также кочевническими компонентами. В конечном итоге славянский компонент охватил всю территорию бывшей черняховской культуры. Но нельзя считать, что славяне были единственными жителями этой территории. Как показывают клады типа Мартыновки и неславянские погребения, здесь, несомненно, постоянно действовал кочевнический компонент. Кроме того, фибулы в костюме из ингумаций и кладов мартыновского типа свидетельствуют об этническом

присутствии, которое еще недостаточно определено [9, с. 227]. Наличие парных пальчатых фибул в большинстве кладов мартыновского типа также указывает на германский этнический компонент, возможно, связанный с крымскими готами, а также с элитой степных и лесостепных районов.

Согласно современным исследованиям, более раннее предположение о том, что пальчатые фибулы принадлежали славянскому костному, должно быть пересмотрено. С одной стороны, славяне пеньковской культуры в редких случаях использовали фибулы, но только одиночные; с другой стороны, парное ношение фибул в костюме оказывается для них нехарактерным.

По мнению М. В. Любичева, на основании появления «княжеских» погребений и движения наследников «горизонта эмалей» с севера возникновение пеньковской культуры стало результатом действия «векторов» со стороны Центральной Европы и лесной полосы Восточной Европы, что привело к своего рода «германско-балтскому симбиозу» [7, с. 190]. Как мы видим, носителей «княжеских погребений» М. В. Любичев считает германцами, а потомков постзарубинецких племен – балтами. Анты, по мнению исследователя, – это не обозначение конкретного славянского этноса, а сугубо территориальное понятие [там же, с. 191].

В Среднем Поднепровье на территории, занятой славянским населением, носителями пеньковской культуры, обнаружено заметное количество византийских импортных вещей. Это серебряная посуда из Мартыновского клада, а также фрагменты серебряного сосуда с остатками клейма из клада в Судже-Замостье [14]. Из Среднего Поднепровья происходят и византийский бронзовый сосуд, бронзовые светильники-поликандилионы, подсвечники, пряжка «с головой варвара», литые «карбалетные» фибулы, так называемые сумочные пряжки. В антском уборе, представленном находками из кладов типа Мартыновки и пеньковских поселений, уже неоднократно отмечалось присутствие элементов, отражающих ранневизантийское влияние, таких как некоторые типы «геральдической» ременной гарнитуры, подвязные фибулы с пластинчатой спинкой, антропо- и зооморфные фигурки, антропоморфные фибулы с изображениями павлинов, некоторые типы стеклянных бус. Большая часть этих находок приходится на довольно ограниченный участок Днепровского Правобережья – бассейн рек Рось и Тясмин.

Учитывая явно «княжеский» характер Мартыновского клада, А. В. Мастыкова предположила, что где-то в этом регионе находился один из центров власти антов второй половины VI – первой половины VII в. [там же, с. 83].

Известно, что в отличие от своих родственников склавинов, анты, с 540-х по 610-е гг. были союзника-

ми Восточно-Римской империи. А. В. Мастыкова правомерно поставила вопрос, каким же образом Империя поддерживала контакты со своими далекими союзниками, отрезанными от нее на Дунае неприемлемыми врагами – аварами и склавиными. Ведь для того, чтобы согласовать свои военные акции, как это произошло в 584–585 гг., когда явно при подстрекательстве Константинополя анты ударили по склавинским тылам в момент похода авар и склавинов на Империю, был необходим прямой контакт. Такие контакты могли осуществляться через Юго-Западный Крым, где Византия сохраняла свой опорный пункт – Херсонес Таврический. Такое предположение кажется возможным, поскольку в Юго-Западном Крыму в могильниках местного населения часто встречаются предметы антского женского убора, например, пальчатые и зооморфные фибулы. Их концентрация в Крыму является наиболее значимой вне пределов Среднего Поднепровья [там же, с. 84].

Эволюция пеньковской культуры была разделена на два, позднее на три хронологических этапа. Важно проследить соотношение этих трех этапов с главными историческими событиями V–VII вв. в Восточной Европе. При изучении взаимоотношений носителей пеньковской культуры с Римской/Византийской империей перспективен анализ особенностей этих процессов по периодам: 1) 375–518 гг., 2) 518–545 гг., 3) 545–590 гг., 4) 590 г. – VII в.

Таким образом, этническая интерпретация пеньковской культуры неоднозначна. Большинство исследователей связывают ее со славянами – антами (Е. А. Горюнов, О. М. Приходнюк, В. В. Седов, А. Т. Смиленко, А. М. Обломский). Против славянской принадлежности этой культуры выступал М. И. Артамонов, считавший, что она принадлежала болгарам-кутригурам. И. П. Русанова полагала, что носители пеньковской культуры представляли собой разнородный этнический массив, объединявший славянское, иранское и болгарское население. М. В. Любичев видит в носителях пеньковской культуры германцев и балтов, полностью отвергая славянскую (антскую) атрибуцию культуры. Поэтому изучение пеньковской культуры по-прежнему является актуальным и необходимым для освещения сложных этнокультурных процессов, происходивших в Юго-Восточной Европе в эпоху раннего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березовец Д. Т. Поселения улочей на Тясмине / Д. Т. Березовец // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1963. – № 108. – С. 145–208.
2. Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. / И. П. Русанова. – М., 1976. – 215 с.

3. *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. / Р. В. Терпиловский. – Люблин, 2004. – 232 с.
4. *Обломский А. М.* Восточная линия славянского этногенеза по археологическим данным / А. М. Обломский // Славяне и их соседи в I тыс. н. э. – Нови-Сад, 2021. – С. 50–51.
5. *Обломский А. М.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н. э. / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский. – М., 1991. – 240 с.
6. *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – 250 с.
7. *Любичев М. В.* Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков / М. В. Любичев // (Ostrogothica). Ч. 1. – Харьков, 2019. – 268 с.
8. *Рафалович И. А.* Славяне VI–IX вв. в Молдавии / И. А. Рафалович. – Кишинев, 1972. – 242 с.
9. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – Киев, 1990. – 488 с.
10. *Рафалович И. А.* Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н. э. / И. А. Рафалович. – Кишинев, 1986. – 219 с.
11. *Обломский А. М.* Ранние славяне в Лесостепном Подонье в III–VII вв. / А. М. Обломский // Очерки археологии Лесостепного Подонья в эпоху голоцена. – Воронеж, 2021. – С. 461–648.
12. *Смиленко А. Т.* Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья / А. Т. Смиленко, А. А. Козловский // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. – Киев, 1987. – С. 67–83.
13. *Гавритухин И. О.* Актуальные проблемы изучения пражской культуры / И. О. Гавритухин // Славяне и их соседи в I тыс. н. э. – Нови-Сад, 2021. – С. 72.
14. *Мастыкова А. В.* Славяне Среднего Поднепровья, Крым и Византия в VI–VII вв. / А. В. Мастыкова // Славяне и их соседи в I тысячелетии н. э. – Нови-Сад, 2021. – С. 83–84.

*Воронежский государственный университет
Крайнев В. В., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: ieremeia@yandex.ru*

*Зиньковская И. В., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: zinkovi@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kraïnev V. V., Post-graduate Student of the Department of Archeology and History of the Ancient World
E-mail: ieremeia@yandex.ru*

*Zinkovskaya I. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World
E-mail: zinkovi@yandex.ru*